

— Ну как, разобрался?

Широкий рукав опустился. Хотя перед Чу Вэем стоял лишь бесплотный призрак, юноше показалось, что в воздухе остался тонкий, едва уловимый аромат Шифу.

Он замер, не отводя глаз от парящей перед ним фигуры, затем растерянно мотнул головой, но тут же поспешно кивнул. На самом деле он всё видел, но в то же время не понял абсолютно ничего. В его глазах отражался только Шифу. А сами движения клинка... Пожалуй, он впервые в жизни так откровенно витал в облаках и пропустил всё мимо ушей.

Хуа Жун, заметив растерянность своего ученика, легонько щелкнул его по лбу.

— О чём ты задумался?

Чу Вэй никогда ничего не скрывал от Шифу, поэтому ответил первое, что пришло в голову:

— Шифу, вы слишком красивый.

Занесённая над его макушкой ладонь Хуа Жуна на миг замерла. Затем мужчина мягко взъерошил тёмные волосы юноши и тихо проворчал:

— Глупости болтаешь.

Но, несмотря на напускную строгость, его пальцы на лишнее мгновение задержались в прядях ученика.

— Я ведь правду говорю, — упрямо буркнул Чу Вэй. — Вы и впрямь очень красивый.

Хуа Жун не стал спорить. Вместо этого он протянул ему зажатую в пальцах древесную ветку. Мгновение назад она свистела в воздухе, заменяя клинок, но на ней не увял и не сорвался ни один листок — всё осталось в целости и сохранности.

— Попробуй.

Чу Вэй принял ветку и взвесил её на ладони. В груди его мгновенно поселилась тревога.

«Если я сейчас оплошаю, не разочаруется ли Шифу?»

Юноша впервые в жизни умудрился полностью отвлечься во время тренировки. Результат оказался плачевным: сухая ветка с треском разлетелась в щепки, а сами приемы вышли настолько неуклюжими и скомканными, что Хуа Жун невольно нахмурился.

— Я учил тебя совсем не этому.

Чу Вэй со стыдом опустил голову и едва слышно пролепетал:

— Простите, Шифу... Я отвлекся.

Как же неловко! Это был фактически первый раз, когда он показывал свои навыки с мечом лично Шифу, и так позорно провалиться.

Приготовившись к заслуженному выговору, он замер. Но шло время, а в тишине парка не раздавалось ни звука. Озадаченный, Чу Вэй робко поднял глаза. Шифу стоял совсем рядом, глядя на него долгим, непонятым взглядом. Стоило их взглядам встретиться, как Хуа Жун плавно развернулся и взмахом руки притянул к себе новую ветку с ближайшего дерева.

— Смотри внимательно и больше не отвлекайся.

Полы его черных одежд снова взметнулись в воздух. Движения оставались прежними, но простая ветка в руках Шифу преобразилась, со свистом рассекая воздух, словно настоящий клинок. Каждый выпад дышал сокрушительной мощью. Воздух вокруг закружился в невидимом вихре, срывая с крон листву, которая закружилась в безумном танце и медленно опала на землю, стоило Шифу застыть.

На этот раз Чу Вэй не смел отводить глаз. В его сознании наконец забрезжило понимание — ведь эти приемы он отрабатывал тысячи раз, вызубрив их до последнего жеста.

Опустив руку, Хуа Жун снова протянул ему ветвь:

— Повтори.

Чу Вэй взял её, закрыл глаза и мысленно воссоздал каждое движение наставника. Когда же он вновь разомкнул веки, мир вокруг словно преобразился. В темном парке, где не горело ни одного фонаря, лишь бледный лунный свет, пробивающийся сквозь пелену облаков, серебрил силуэт юноши.

В этом призрачном сиянии его движения казались невероятно легкими, почти неземными. Клинок двигался единым, непрерывным потоком, словно струящаяся вода. В абсолютном безветрии опавшие листья вдруг поднялись с земли, повинувшись невидимой силе, и закружились вокруг деревянного острия. Они мчались всё быстрее, свистя и сливаясь в сплошной зелёный вихрь, похожий на рой обезумевших бабочек. Но стоило Чу Вэю завершить последний выпад и резко замереть, как эта листовая буря с силой выплеснулась вперед. Мягкие, хрупкие листья, пронзив воздух со свистом стрел, глубоко вонзились в толстую кору старого дерева, словно были выкованы из лучшей стали.

Чу Вэй опустил руку. Тонкая ветка в его ладони на этот раз уцелела, не потеряв ни единого листика.

— У меня получилось! Шифу, получилось!

Юноша с сияющими глазами обернулся, сжимая свое нехитрое оружие, и тут же застыл на полуслове. На губах Хуа Жуна играла мягкая, едва заметная улыбка.

Чу Вэй снова залюбовался. Ну разве можно винить его за то, что он отвлекается, когда Шифу так невероятно хорош собой?

После тренировки уходить из парка отчаянно не хотелось. Пока они были в разлуке, он просто тихо тосковал, но теперь, когда наставник стоял прямо перед ним, юноша осознал, насколько глубоко укоренилась в его душе эта сильная привязанность. Стремясь хоть немного продлить эти мгновения, он заговорил о Хуа Хайцзюне:

— Шифу, это ведь вы явились ему во сне?

Хуа Жун на мгновение задумался, промолчав, но этого безмолвия было достаточно, чтобы Чу Вэй всё понял. На его лице сама собой расцвела теплая, искренняя улыбка.

— Я так и знал. Кроме вас, Шифу, в этом мире обо мне и позаботиться некому. Но где вы только откопали этого чудака? — со смехом продолжил он. — Он ведь всерьез решил, что я пришелец! Спрашивал, с какой я планеты и какими суперспособностями владею. Вы бы видели мою физиономию утром, я еле сдерживался, чтобы не расхохотаться и не выдать себя.

Вспоминая утреннюю сцену, он весело шурился, и его лицо под лунными лучами казалось удивительно ярким и живым. Он не замечал, как потемнел взгляд Шифу, продолжая смеяться — открыто и беззаботно. Тот холодный, неприступный образ образцового ученика, который он носил перед другими, сейчас полностью спал, обнажая обычного мальчишку: искреннего, невероятно притягательного в своём минутном расслаблении.

Хуа Жун стоял рядом. Он невольно потянулся к нему рукой, словно желая коснуться мягких волос, но в последний момент отступил, спрятав ладонь в широкий рукав.

— Возвращайся в общежитие, — тихо проговорил он. — Учеба отнимает много сил, тебе нужно выспаться.

Смех Чу Вэя утих. Он бросил на Шифу долгий, тоскливый взгляд, но послушно кивнул:

— Хорошо. Отдыхайте и вы, Шифу. Я пойду.

Хуа Жун лишь едва заметно кивнул в ответ, и его силуэт мгновенно растаял в ночном воздухе, словно его и не бывало.

Чу Вэй в приподнятом настроении покинул сквер, даже не подозревая, что стоило его шагам затихнуть, как фигура Шифу соткалась из темноты вновь. Хуа Жун долго смотрел вслед ушедшему юноше, не отводя тяжелого, задумчивого взгляда.

Последующие дни потекли чередой спокойных, размеренных будней. Жизнь Чу Вэя теперь укладывалась в строгий маршрут: столовая, общежитие, учебный класс, тихий парк по вечерам и, разумеется, регулярные встречи с Хуа Хайцзюнем.

За время совместных занятий Чу Вэй успел изучить своего подопечного вдоль и поперек. Тот вовсе не был глуп — голова у парня соображала отлично, вот только лени в нем скопилось на троих. Рожденный в роскоши, молодой господин Хуа никогда не знал забот и занимался исключительно тем, к чему лежала душа. Это и сформировало его нынешний характер.

Как любил говаривать сам бездельник: «Зачем учиться? Чтобы в итоге заработать кучу денег и жить в свое удовольствие. Но я-то родился уже у финишной черты, так зачем мне гробить молодость над учебниками с утра до ночи, если можно просто наслаждаться жизнью?»

Возразить на это Чу Вэю было нечего — доля здравого смысла в рассуждениях ленивца определенно имелась. Впрочем, понимание не помешало ему тут же вручить молодому барину два тренировочных теста с жестким наказом: не ложиться спать, пока всё не решит.

Пока школьные будни шли своим чередом, местное уездное телевидение пустило в вечерний эфир скандальный репортаж. Героиней выпуска оказалась обычная школьница. И хотя лицо Чжао Кэ скрыли цензурой, а настоящее имя опустили, детали её личной драмы были переданы с пугающей точностью.

Ван Лили, работавшая над сценарием, обладала несомненным талантом: всего несколькими точными штрихами она воссоздала трагедию ребенка, запертого в нищую ловушку. Журналисты попытались взять интервью у четы Чжао, но те вели себя агрессивно и едва не разбили камеру. Отец девочки во всеуслышание заявил в объектив:

— Моя дочь! Я её породил, я её вырастил, и я волен делать с ней всё, что мне вздумается! Нечего совать носы в чужие дела!

Для захолустного, консервативного уезда подобный сюжет казался делом житейским — обычные семейные дразги на почве слепой любви к сыновьям. Местные жители едва ли обратили бы на это внимание; разве что горстка продвинутой молодежи пошумела бы на форумах. Никто палец о палец не ударил бы, чтобы спасти несчастную Чжао Кэ.

Однако Ван Лили не ограничилась телеэфиром. Она выложила видеозапись в микроблог Гуанбо — крупнейшую медиаплатформу страны, где любой вирусный ролик за сутки набирает миллионы просмотров.

По счастливой случайности ролик заметил популярный блогер-миллионник. Возмущенный дикостью провинциальных нравов, он сделал репост и публично призвал правоохранительные органы вмешаться и пресечь вопиющую попытку торговли людьми.

Эффект разорвавшейся бомбы не заставил себя ждать. Новость подхватили другие инфлюенсеры, волна народного гнева покатила по сети, и вскоре сюжет взлетел на вершину трендов Гуанбо под хэштегом #ПродажаДочерейКараетсяЗаконом.

Почувств запах сенсации, столичные и региональные репортеры сорвались с мест. Редакционные машины мчались в Цинсянь со всех концов провинции. Если история подтвердится, это станет главным материалом месяца. Ведь за трагедией одной Чжао Кэ скрывались судьбы тысяч незащищенных девочек из глухих деревень, которых родители до сих пор воспринимали как товар. Общество требовало огласки: дикий обычай выдавать дочерей замуж ради наживы вопреки их воле должен быть признан преступным и варварским раз и навсегда.

В современную эпоху стремительного прогресса, когда страна практически покончила с бедностью, а пережитки феодализма уходили в прошлое, равенство полов стало неоспоримой нормой. И новость о том, что в цивилизованном, правовом государстве всё еще существуют медвежьи углы, где торговля собственными детьми считается обычным делом, потрясла общественность до глубины души.

Крошечный уезд Цин мгновенно прославился на всю страну, возглавив обсуждения в Гуанбо. Пользователи сочувствовали Чжао Кэ; девушки, когда-то вырвавшиеся из этих мест, делились жуткими историями о царящем там невежестве, об отказе в праве на образование и о родителях, лишенных малейших зачатков совести.

Толпы журналистов и активистов хлынули в Цинсянь. Главной их целью было отыскать саму Чжао Кэ — девочку, чья сломанная жизнь всколыхнула миллионы сердец.

Но поскольку девочка находилась под надежной защитой школьных стен Ичжуна, репортеры не могли прорваться внутрь законным путем. Им оставалось лишь караулить у главных ворот. Однако классная руководительница Цзи Сюэпин, стремясь уберечь ученицу от лишних расспросов и не бередить ее раны, тайно вывела её через запасной выход.

Поняв, что у ворот ловить нечего, толпа журналистов развернулась и лавиной двинулась к дому Чжао Кэ.

В это же время в просторном кабинете роскошной виллы мужчина в инвалидном кресле

задумчиво листал новостную ленту на экране смартфона. Его пальцы едва заметно сжались, когда он наткнулся на последние сообщения.

Материальное воплощение его духа требовало колоссальных затрат энергии и длилось совсем недолго. К тому же, чем быстрее шло восстановление его физического тела, тем сложнее было поддерживать призрачную проекцию — силы таяли куда быстрее, чем в прежние времена.

Хуа Жун вызвал дворецкого и распорядился подготовить машину. Тот удивленно вскинул брови:

— Господин, вы ведь еще не окрепли. Куда вы собрались в таком состоянии?

Хуа Жун скользнул взглядом по экрану телефона, где была открыта фотография, втайне присланная Хуа Хайцзюнем. На снимке Чу Вэй, подперев кулаком подбородок, сосредоточенно хмурился над какой-то задачей. Его лицо выглядело невероятно серьезным.

Убрав мобильный в карман, Хуа Жун невозмутимо бросил:

— Присмотрел один перспективный уезд для инвестиций. Нужно лично осмотреть место.

<http://bllate.org/book/19040/1950822>